

Больше самостоятельности

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ 24 ОКТЯБРЯ СОСТОЯЛАСЬ XI ЕЖЕГОДНАЯ УРАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАУФОР «РОССИЙСКИЙ ФОНДОВЫЙ РЫНОК»

В рамках дискуссии «Законодательство об инсайте и манипулировании и борьба с недобросовестными практиками на финансовом рынке» обсуждались поправки к закону «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком»: причины, по которым потребовалось вносить изменения и последствия этих изменений.

Фотографии **Андрей Порубов**

Участники: Валерий Лях (директор департамента противодействия недобросовестным практикам Банка России); Алексей Тимофеев (президент НАУФОР).

Алексей Тимофеев. Дорогие друзья, уважаемые коллеги, давайте начнем следующую часть нашей конференции. Начиная с прошлой конференции (когда здесь вместе со мной была Ольга Гончарова и мы обсуждали тему внедрения XBRL), мы обнаружили, что это очень интересный формат — когда на сцене двое. Этот формат, скорее, про общение зала с собеседником на сцене, чем про разговор спикеров между собой. И вот сегодня в вашем распоряжении Валерий Лях — директор департамента противодействия недобросовестным практикам Банка России. И поговорим мы с ним главным образом о преследовании за инсайд и манипули-

рование, о других недобросовестных практиках, которые находятся в зоне ответственности Валерия. Начнем с презентации, с выступления Валерия, а продолжим разговором, к которому, я надеюсь, вы подключитесь. Валерий, добро пожаловать.

Валерий Лях. Добрый день, коллеги, еще раз. Закон [«О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком»] писался десять лет. В результате того, что к нему приложило руку большое количество людей, он получился таким, каким получился. С момента, когда закон вступил в силу, регулятор фактически сразу начал понимать, что косты для рынка [на внедрение нового законодательства] все-таки должны быть соизмеримы с той выгодой, которую это новое законодательство несет. Далее мы начали разработку поправок, — естественно, все эти годы консультируясь с рынком. Поправки,

которые сейчас были приняты в закон и вступают в силу с 1 мая (традиционно мы даем как можно более долгий срок для того, чтобы рынок приготовился к изменениям), направлены на увеличение эффективности не только регулятора, но и рынка. И на придание рынку самостоятельности по части направлений.

Вносить изменения в закон требовалось по ряду причин: это и изменение мирового законодательства, и рекомендации IOSCO, и текущие внутренние процессы, и требования собственно рынка. Мы регулярно анализируем изменения, которые происходят у наших зарубежных коллег, учитываем их, понимаем, что с МиФИД в будущем придется соотноситься все больше и больше.

Сразу скажу, что в моем понимании соотношение с МиФИД и уменьшение арбитража с этим документом должно происходить в большей степени по духу, нежели чем по форме, потому что внедрение формальных требований директивы получится для рынка достаточно дорогим. Мы должны оценивать эффект, получаемый рынком от применения новелл законодательства в целях получения прибыли.

Что изменилось в законе, если говорить глобально?

Во-первых, сейчас эмитенты могут составлять собственный перечень инсайдерской информации, исходя из положений законодательства, и из особенностей своей деятельности. Запрос на

такие изменения существовал, он реализовался. Перечень инсайдерской информации (который Банк России публикует и в дальнейшем дополняет) остается. Но эмитенты имеют теперь право добавлять в перечень ту информацию, которая, как они считают, является значимой для них, и которая не включена в общий перечень инсайдерской информации. Мы не раз говорили о том, что прежний перечень использовался формально. Сейчас реализуется нацеленность на то, что рынок должен формировать вторую часть, важную для себя, самостоятельно. [Сведения, которые являются важными для компании, но которые не прописаны в законе и нормативном акте, могут входить в соб-

ственный перечень инсайдерской информации]. Регулятор же будет оценивать, какую информацию необходимо вносить в общий перечень, а какая информация может оставаться дальше в ведении непосредственно самих участников рынка.

Сейчас в отношении того перечня информации, который публикует Банк России, устанавливается стандартный порядок и сроки раскрытия инсайдерской информации, если закон не предусматривает иное. А в отношении дополнительной, вариативной части, которую формируют непосредственно участники рынка, сроки устанавливает сам владелец этой инсайдерской информации, исходя из того, как он эту информацию оценивает. Если закон не предусматривает иное. Сейчас мы предусмотрели этот вариант для того, чтобы существовала возможность вариативности раскрытия инсайдерской информации, если правительство установит дополнительные сроки ее раскрытия, либо в случае, если непосредственно компания посчитает, что преждевременное раскрытие (в соответствии с текущими требованиями к инсайдерской информации) приведет к экономическим потерям в конкретном моменте. Например, к потерям может привести публикация намерений о сделке по слиянию и поглощению. Тогда компания может обратиться в Банк России с тем, чтобы заморозить раскрытие.

Каким будет формат рассмотрения и заморозки, регулятор пока определяет. Время есть, поэтому мы хотели бы услышать, какой вариант считают наиболее удобным сами участники.

В мире существует два основных варианта. Один уведомительный: с сайта регулятора направляется уведомление о том, что конкретная информация по раскрытию будет замораживаться до конкретного срока. Другой вариант разрешительный. Опять же важно, что устанавливается обязанность по информированию юридических лиц, получающих доступ к инсайдерской информации, до включения в список инсайдеров. Это

положение существовало и ранее, просто сейчас оно прописано в законе.

Изменено (конкретизировано) определение понятия «инсайдерская информация», признаки инсайдерской информации тоже конкретизированы.

Вторая большая новация в законе — определение того, что является манипулированием рынком. Первая часть этой новации — добавлено непосредственно определение. Раньше определения не существовало, существовали только признаки, по которым конкретные действия могли относиться к манипулированию рынком. Сейчас добавлено определение, это сделано с конкретной целью. Чуть позже расскажу про цель.

Вторая (основная часть) новации — это изменения в перечне действий, которые являются манипулированием рынком. Теперь, помимо семи основных признаков, которые существуют в законе, Банк России имеет право издавать нормативный акт, который содержит дополнительный перечень действий, которые являются манипулированием рынком. В чем конечный смысл? Сейчас существует как бы конечный перечень действий, которые являются манипулированием рынком. На изменения, появляющиеся в деловой практике, можно реагировать гораздо оперативнее, если вносить их в нормативный акт, а не в закон. При этом уголовное наказание, которое всех волнует, предусмотрено только за действия, описанные в законе. За действия, которые будут описаны в нормативном акте, предусмотрено не уголовное наказание, а административное. И для компаний, соответственно, лицензирующие меры. Для того чтобы у всех (и у рынка, и у регулятора, и у законодателей) было понимание того, что действия, которые внесены в нормативный акт, действительно являются манипулированием, используется введенное понятие манипулирования.

В отношении полномочий Банка России также произошли изменения.

Это, во-первых, право доступа в помещения при проведении проверок юри-

дических лиц, органов и организаций, за исключением помещений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Право доступа к документам и информации, которые необходимы для осуществления проверки в случае получения права доступа. И право на копирование информации. Помимо прочего, в законе специально прописывается ответственность Банка России за его служащих, которые проводят проверку, за разглашение информации, которая получена в ходе таких мероприятий.

Сейчас проверка по закону объявляется председателем Банка России либо его заместителем, который курирует это направление. Соответственно, то же самое касается права доступа лиц при проведении проверок в помещениях: поручение не может даваться никем иным, кроме как лицом, которое имеет право на открытие проверки (председателем Банка России либо его заместителем, курирующим данное направление). Физическим лицам при проведении проверки может быть отказано в доступе в помещения. Отказ не является основанием для того, чтобы расценивать его как противодействие.

Появляются точечные изменения. Так, сведения о совершенных инсайдерами операциях будут предоставляться по запросу хозяина инсайдерской информации. В отношении волнующего всех маркетмейкерства: маркетмейкеры могут быть признаны манипуляторами в случае совершения сделок по предварительному соглашению и сделок в целях введения в заблуждение относительно цены финансового инструмента и его объема. Это, фактически, притворное маркетмейкерство, которое иногда существовало.

Банк России наделяется правом устанавливать требования к внутреннему контролю в целях противодействия инсайду. Сейчас на площадке НАУФОР проходят совещания с рынком относительно содержания правил внутреннего контроля, и мы надеемся, что в ближайшее время выпустим по этому поводу нормативный акт.

Вводится исключение относительно соблюдения требований законодательства для иностранных эмитентов. Они уже вступили в силу с момента подписания закона. Для всех остальных, помимо иностранных эмитентов, закон вступает в силу с 1 мая 2019 года. Нормативные акты, которые необходимо выпустить Банку России для того, чтобы все изменения вступили в силу и вступившие изменения заработали, рынку представлены. В принципе, регулятор все эти изменения, все акты согласовывает и регулярно обсуждает.

Меня радует, что регулятор в последнее время начал общаться с рынком по поводу тех кейсов, которые уже опубликованы. Хочу сделать реверанс в сторону Ларисы Константиновны [Селютиной]: это ее заслуга. Первое общение прошло на площадке Московской биржи недели три назад. Мы рассказывали о тех кейсах, которые уже опубликовали, постарались объяснить формулировки, которые используем при публикации пресс-релизов, и ответить, как регулятор оценивает действия участников рынка.

Можем перейти к короткой сессии вопросов и ответов.

Алексей Тимофеев. Пару комментариев я, может быть, сам себе позволю. Я присоединяюсь к оценке действующего закона об инсайте и манипулировании как закона, который должен был появиться ...

Валерий Лях. Когда-то он должен был начать действовать.

Алексей Тимофеев. Наверное, теперь пришла пора сделать его более работоспособным. Я помню идеологию того закона, идеологию максимальной юридической определенности, которой мы добивались для того, чтобы в число правонарушений попали совершенно очевидные, ни у кого не вызывающие сомнений случаи.

Почему мы тогда делали именно так? Потому что лучшая борьба — пусть не с инсайдом, но с манипулированием точно — это объем рынка. Объемным, глубоким рынком манипулировать очень тяжело. Если рынок не глубокий (а по многим

инструментам он чрезвычайно мелок), то многое будет выглядеть как манипулирование, манипулированием не являясь. Мы тогда осторожничали. И, наверное, сейчас пришла пора придать закону смысл. Тем более если рынок выстроил взаимодействие с регулятором и может рассчитывать на его осторожность в квалификации, — а мы можем на это рассчитывать. Некоторый опыт нашего взаимодействия говорит в пользу такой уверенности. Отлично, теперь давайте его [закон] менять.

Есть пара тем, которые я бы хотел затронуть. Первое: прозвучала тема сделки с регулятором. На каком этапе находится эта концепция, будет ли она обсуждаться, как она будет обсуждаться, когда мы сможем к этой дискуссии присоединиться и в чем, собственно говоря, ее смысл? Это первый мой вопрос.

А второй вопрос будет по поводу борьбы с недобросовестными компаниями. Но я его задам после того, как ты ответишь на первый.

Валерий Лях. На секунду вернусь к закону об инсайте и манипулировании. В нем сохранился момент, который, я уверен, будет оставаться тяжелым и для участников рынка, и для регулятора, и для организатора торговли отдельно — это определение существенных отклонений. Они сохранились в законе в прежнем виде, сохраняя момент известной неопределенности для рынка: будут либо не будут конкретные действия подпадать под определение нестандартной сделки.

Переходя к сделке с регулятором. Сейчас эта законодательная инициатива фактически разделена на две части: поправки в КоАП и поправки непосредственно в закон об инсайте и манипулировании. Поправки в КоАП были внесены к первому чтению летом этого года; сейчас внесены поправки в закон об инсайте и манипулировании, они готовятся к первому чтению. Предполагаю, что дискуссия с участием регулятора и рынка случится после того, как пройдет (или не пройдет) первое чтение. Для регулятора это очень сложная история. Внедрение этого инстру-

мента для регулятора будет крайне тяжелой и явно уникальной историей, никогда прежде такого не внедрялось.

И мы будем здесь еще более осторожны, хотя я уверен, что рынок пожелает обратного.

Алексей Тимофеев. Рынок привык к сделкам, он делает их каждый день.

Сделка — это ведь способ избежать ответственности...

Валерий Лях. Я бы так не сказал, сделка с регулятором — это способ сохранить репутацию. Сделка предполагает существенный материальный ущерб для компании, которая на нее пошла. При этом предполагается, что дискуссии и договоренности все-таки защитят компанию от репутационного ущерба.

Более того, в глазах регулятора сделка с ним, помимо защиты репутации, является своего рода положительной оценкой адекватности руководства компании: в плане того, что они осознают сделанное и готовы изменять свои бизнес-процессы, чтобы не повторять ошибок. Потому что для сделки тоже существует определенный лимит, нельзя заключить сделку за одинаковые действия два раза подряд, это однократная вещь.

Алексей Тимофеев. Но речь идет о том, что сторона такой сделки избежит ответственности.

Валерий Лях. Да, административной и уголовной ответственности она избегает. Но признания вины не происходит. Мы должны четко понимать, что в случае заключения сделки с регулятором никакого признания вины не происходит. Сделка фактически предполагается к заключению еще до момента окончания расследования, на каком-то из этапов. Не происходит ни выдвижения обвинений, ни признания вины. Это важно.

Алексей Тимофеев. Последний вопрос по этому поводу. Факт заключения сделки публичен или нет?

Валерий Лях. Становится публичным непосредственно факт того, что компания (либо лицо) заключили сделку с регулятором. Информация о заключении сделки

обязательно должна быть публичной. Но не сами параметры сделки. Это как раз сделано для защиты репутации.

Алексей Тимофеев. Хорошо. Вторая тема — недобросовестные компании. На самом деле, изменения бессмысленны, если параллельно не преследуются недобросовестные компании. Регулятивная нагрузка тяжела, ее принимают на себя компании добросовестные, они иногда ошибаются, иногда допускают нарушения, отвечают за все это перед регулятором или перед своими клиентами. Но что толку от этой ответственности, если можно просто уйти в тень и действовать за пределами пятна света, которое находится под лампой регулятора.

Валерий Лях. Под которым все видно хорошо.

Алексей Тимофеев. Мы накладываем различные требования на добросовестные компании в части их поведения, формата предложения своих услуг. И одновременно имеем дело с недобросовестными игроками, которые, если регулятор их не преследует, могут осуществлять то же самое, избегая той нагрузки и той ответственности, которую принимают на себя добросовестные компании.

Когда мы обсуждаем иностранные финансовые организации, например, то знаем, что им запрещено публично предлагать свои услуги на территории России. Но ведь в реальности такое предложение происходит. И что толку выражать (говорю сейчас о Центральном банке) неодобрение практикой предложения услуг иностранных финансовых организаций, если сами иностранные финансовые организации спокойно действуют на российском рынке, избегая преследования со стороны регулятора. Что вы про это думаете? Что будете предпринимать? Пожалуйста, сделайте с этим что-нибудь.

Валерий Лях. Что касается недобросовестной практики на рынке со стороны недобросовестных участников. Уже практически год в структуре Банка России действуют специальные отделы по противодействию безлицензионной деятельности.

Их задача — самостоятельно мониторить рынок, выявлять недобросовестные практики, формировать материалы и направлять их в правоохранительные органы для предотвращения внеправовой деятельности. Здесь многое зависит еще и непосредственно от участников рынка, которые видят недобросовестных конкурентов.

В этом году внимание регулятора было сфокусировано на нелегальной микрофинансовой деятельности и нелегальной форекс-деятельности. За прошедшие девять месяцев прекратили свою деятельность более чем 2 тысячи участников нелегального микрофинансового рынка, более 200 нелегальных форексеров. Информация о них была направлена в правоохранительные органы, приняты меры по прекращению деятельности.

Если обсуждаются риски легальной финансовой деятельности — это одно дело. Но если участники рынка видят реальные факты нелегальной конкуренции, то просьба обращаться к регулятору, потому что здесь мы работаем, используя конкретные инструменты. Эти инструменты дают результаты на рынке микрофинансирования, на рынке форекс. Последнее время удалось совладать с бинарными опционами. В общем, яркие факты нелегальной деятельности преследуются и прекращаются. Но здесь важно участие непосредственно рынка, ради которого это все и делается и который тоже должен быть заинтересован.

Проблема квазиобучающих центров тоже должна быть решена в перспективе, надеюсь, недалеко.

Что касается блокировки информации. На ближайшее время запланирован выпуск консультационного доклада по трансграничным операциям, который как раз предлагает рынку обсудить деятельность, которая осуществляется из-за рубежа, либо информация о которой распространяется из-за рубежа. Какие именно виды этой деятельности должны быть прекращены, какая информация должна быть блокирована. Это дискуссионный момент.

Алексей Тимофеев. Спасибо большое. Коллеги, задавайте вопросы Валерию. **Андрей Салашенко.** Добрый день. У меня один вопрос и одно пожелание. Вопрос: не так давно снова возникла тематика, связанная с тем, что Банк России обратил внимание на клиентский маркетинг. Дальше начались дискуссии на площадках двух бирж. Вроде бы участники о чем-то пытались договариваться. В связи с этим очень простой вопрос. Каких дальнейших телодвижений от рынка ожидает Банк России в плане попытки все-таки определить действия, которые являются нормальным маркетингом и к которым Банк России не предъявлял бы потом никаких санкций. Потому что иначе мы рискуем тем, что маркетинг станет зоной риска, а может быть, даже попадет под запрет. Это достаточно сложная история.

Соответственно, чего ожидает Банк России от рынка? Ну, и что мы могли бы вместе сделать для того, чтобы маркетинг все-таки существовал, давал какие-то преимущества?

Валерий Лях. Во-первых, регулятор (точно так же, как рынок) видит, что институт маркетинга изменился и требует некоторых уточнений, — как минимум уточнений законодательства. В следующем году мы будем активно обсуждать с рынком изменения в этом инструменте. Чего регулятор ждет от рынка в этом случае? Ждем, что компании соберутся, выработают (с участием саморегулируемых организаций) добросовестные подходы, опишут примеры добросовестного маркетинга, которые сейчас существуют. Как минимум гайдлайн мы на сайте вывесим. И в принципе регулятор переходит к системе гайдлайнов в работе с недобросовестными практиками. Это быстрее, оперативнее и, как мне кажется, никаким образом не мешает дискуссии с участниками рынка, но информация доводится быстрее и всем понятна. Участники рынка должны собраться и выработать критерии добросовестности. Дальше мы можем положить эти наработки или в гайдлайн, или уже в документ.

Андрей Салашенко. Тогда надо сделать гайдлайн, это вопрос уже к рынку.

Валерий Лях. Да, это вопрос к участникам рынка. Собирайтесь, обсуждайте, предлагайте описания практик, которые сейчас являются добросовестными...

Андрей Салашенко. Если мы опишем, какая практика является недобросовестной, рынку это не поможет, потому что любая другая история может быть тоже признана недобросовестной.

Валерий Лях. Исходите от добросовестной практики.

Алексей Тимофеев. Согласен.

Андрей Салашенко. Теперь выскажу пожелание-предложение. Есть хорошие участники рынка, которые помогают Банку России, присылают ему уведомления о том, что видят потенциальное манипулирование, потенциальное использование инсайда. Обратной связи от Банка России сегодня не существует. Такая связь, мне кажется, сильно повысила бы эффективность действий участников. Например, участник рынка отправил регулятору уведомление, Банк России рассмотрел его, и, например, выявил, что все-таки на конкретный кейс не имеет смысла обращать внимание. Далее регулятор извещает компанию: «Коллеги, этот кейс мы рассмотрели, он не являлся, на наш взгляд, манипулированием и инсайдом». В следующий раз компания уже не тратила бы время регулятора, ну и соответственно, возможно, повысилась бы эффективность действий, которые контролеры профучастника осуществляют в рамках этого закона.

Валерий Лях. Я подобные истории поддерживаю — именно в отношении манипулирования. Еще год назад мы на площадке Национального совета финансового рынка пытались разработать модели для автоматического определения подозрительных операций.

А вот в отношении инсайда — нет. Одна и та же история может являться один раз нормальной, а в следующий раз может быть инсайдом. Как показала практика, одни и те же действия со стороны разных участников рынка могут

относиться к инсайду, могут не относиться к инсайду. Поэтому мы не готовы сейчас говорить, что подобные действия в будущем анализировать не придется.

Дополнительно хотел обратить внимание участников рынка на то, что в Банке России сейчас действует ситуационный центр мониторинга, который мониторит все операции фактически в режиме реального времени. Центр собрал инструментарий определения и нестандартных операций, и шоков, и визуализации подобных историй, и главное, их быстрого разбора. Определить шоки можно быстро, но главное — разобраться, откуда они возникли и как проходят по системе.

Хотел обратить внимание участников, что если поступает звонок из ситуационного центра Банка России, то отделу внутреннего контроля не стоит пугаться. Это еще не официальный запрос, это предварительные вопросы с целью разобраться в происходящем и, в некоторых случаях, обратить внимание отдела контроля на действия конкретного трейдера либо клиента.

Вопрос из зала. У меня три вопроса. Первый — о борьбе с мошенничеством в интернете. С первой группой сайтов (клоны и фактически мошеннические сайты) уже получается довольно успешно бороться. К сожалению, остается второй пласт — недобросовестные практики, когда злоумышленники публикуют ложную, недостоверную информацию, порочащую репутацию. Эффективно бороться с такими проявлениями никак не получается. Сайты такого рода и по сей день на своих местах, причем находятся достаточно высоко в результатах поиска. И вот что с ними сделать?

Валерий Лях. Буду отвечать последовательно. Сейчас инструментария для работы с подобными приемами недобросовестной конкуренции у регулятора не существует. Но буквально несколько дней назад Совет Федерации и Государственная Дума разработали поправки в закон о внесудебной блокировке сайтов с недостоверной финансовой информацией. Этот инструментарий, думаю, как раз поможет.

Из зала. То есть ЦБ будет готов оперативно рассматривать жалобы профучастников?

Валерий Лях. Если такое законодательство появится, и мы отработаем механизмы, это будет работать на как можно более оперативном канале.

Вопрос из зала. Если позволите, еще два коротких вопроса по новому закону о борьбе с инсайдом и манипулированием. В первой панели говорилось о повышении прозрачности ЦБ в плане расследований серьезных кейсов. Не планируется ли также повысить прозрачность, публичность расследований по случаям выявления манипулирования ценами, — к примеру, так, как это делает SEC? Когда каждый кейс, каждый подробный отчет потом выкладывается в интернете. Когда можно найти описания: кто и что конкретно делал, понимать мотивы. Потому что по единственному сообщению в ленте новостей иногда бывает сложно понять, что ЦБ обнаружил манипулирование в каких-то низколиквидных облигациях третьего эшелона, когда цена колебалась буквально на полпроцента. Это реальный факт.

Валерий Лях. Это вопрос, да? Тогда прошу участников рынка: поднимите руки те, кто готов выкладывать такие кейсы в полный расклад (ведь будет выкладываться фактически полное расследование)? Кто-нибудь готов к этому со стороны рынка? Представителей Центрального банка и представителей прессы прошу руки не поднимать. Вижу, подняли руки четыре участника.

Из зала. Не обязательно раскрывать имена и личные данные, можно только суть.

Валерий Лях. Нет, по законодательству мы как раз обязаны раскрыть в первую очередь имена и кейс. То есть, имя того, кто нарушил, и в отношении какого именно кейса это происходило.

Из зала. Ну, и, в-третьих, интересна позиция о сроках расследования. Каждый участник рынка, наверное, часто получает запросы по событиям, которые происходили уже достаточно давно. Приходится трясти клиента:

«Вспоминай, чем ты торговал 1 февраля два года назад». Провести эффективное расследование, в особенности, если контракт экспиривался, достаточно затруднительно. Не планируется ли повысить оперативность подобных запросов? **Валерий Лях.** Эффективность и скорость проведения расследования повышает, в первую очередь, применение инструментария ситуационного центра. Но, вообще, практика предполагает проведение длительных расследований. На мировом рынке регуляторов мы точно не являемся чемпионами по длительности проведения расследования. Мы, скорее, среди тех, кто проводит расследование быстрее всех. Практика проводить расследование 3-5 лет — норма. Конечный вердикт должен быть максимально выверен, чтобы никто, чьи действия возбуждают сомнения, не пострадал.

С другой стороны, регулятор долгое время проводил расследование на глубину два-три года назад (бывало даже глубже). Ключевой целью является неотвратимость наказания для всех, кто совершил правонарушение на финансовом рынке. Сейчас мы публикуем результаты расследования примерно через год-полтора. Я считаю, что это неплохой срок, в том числе еще и потому (это не секрет), что часть операций на нашем рынке производится не только от имени российских участников, но и от имени иностранных участников. Здесь, конечно, время уходит как минимум на обмен информацией с иностранными коллегами.

Не уверен, что увеличение скорости проведения расследований — за три или за пять месяцев — существенно улучшит состояние дел на рынке. Но при этом комплексное расследование в приемлемый срок позволяет добиваться того, что лица, относительно которых имеются сомнения в их причастности, не будут обвинены напрасно, что обвинение будет предъявлено только лицам, в отношении которых оно стопроцентно обосновано.

Алексей Тимофеев. Спасибо. Еще вопросы. Сергей.

Сергей Золотарев. Один из самых масштабных по влиянию на индустрию кейсов — это кейс с Элвисом Марламовым. Генпрокуратура, насколько я знаю, отменила возбуждение уголовного дела. Можете ли вы прокомментировать сейчас ту ситуацию: чем она закончилась, если закончилась?

Валерий Лях. По результатам расследования Банк России направил материалы в правоохранительные органы. Мы, конечно, не комментируем действия правоохранительных органов, потому что только они имеют право комментировать их от своего имени. Предлагаю дождаться окончания всех процедур по данному мероприятию для того, чтобы сделать окончательный вывод.

Расследования подобных историй длится долго, потому что это не стандартные правонарушения.

Алексей Тимофеев. Еще вопросы? Да, прошу вас. Не смущайтесь поднять руку.

Борис Блохин. Хотелось бы вернуться к теме лицензированной деятельности форекс-дилеров. Вот, допустим, сейчас в Гугл можно забить запрос «торговля форекс». Как минимум две-три рекламные ссылки в выдаче будут вести на сайты компаний, которые не имеют никаких лицензий. Не так давно мы с нашими партнерами-брокерами настраивали маркетинговую программу на Московскую биржу. Компания Гугл запросила у нас все документы, какие только можно, начиная с лицензии; мы подтвердили, что являемся организатором торгов и так далее. Понятно, что форекс-дилеры не работают в правовом поле: кто-то маскируется под учебные центры, кто-то напрямую предлагает трейдинг на нелегальном рынке. Ведется ли работа с агрегаторами, которые предоставляют такую рекламу?

Валерий Лях. Конечно, наша задача — прекратить деятельность подобных нелегальных организаций. Мне кажется, работа с подобными поисковыми систе-

мами — это история бизнес-отношений легальных участников рынка и саморегулируемых организаций совместно с ними. То есть, я предлагаю приглашать и поисковые системы, и агрегаторов на площадку НАУФОР и там совместно с ними обсуждать вопрос.

У Банка России уже сейчас есть проекты с Яндексом по идентификации легальных и нелегальных участников рынка, представляющих конкретные сегменты: страховые организации, микрофинансовые организации. Мы считаем, что подобную историю можно повторить и с участниками фондового рынка. Когда в результатах поисковой выдачи выдается подтверждение о том, что у данной организации есть лицензия Центрального банка на работу в России.

Алексей Тимофеев. Еще один вопрос, пожалуйста. Да, прошу.

Дмитрий Маслов. Добрый день. Хотел задать следующий вопрос.

Предположим, мы планируем какую-то активность, — например, маркетмейкинг. Мы знаем, что это хороший маркетмейкинг, мы хотим заранее подсветить это ЦБ, чтобы показать свою добросовестность. Чтобы впоследствии мы знали, что это не явится ни для кого сюрпризом и мы не получим проверки или чего-нибудь подобного. Есть ли механизм, который позволит это сделать?

Валерий Лях. Со стороны участников рынка сегодня прозвучало предложение совместно собраться и выработать критерии добросовестного поведения. Можно также рассмотреть и необходимость уведомлений.

Алексей Тимофеев. Хорошо. Думаю, действительно нужно собраться и обсудить, что именно является хорошим, настоящим маркетмейкингом. Дорогие друзья, давайте на этом закончим, поблагодарим Валерия за доклад и ответы. Спасибо. □